

Владилен Елеонский

КЛЕЛИЯ

Падение этрусков

Владилен Елеонский

Клелия

«Издательские решения»

Елеонский В.

Клелия / В. Елеонский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742251-6

Вейентский царь разлагает Рим, но есть оклеветанная девушка, которая, выясняя причину гибели отца, с помощью друзей раскрывает тайну этрусского узурпатора и рушит его хитроумные козни.

ISBN 978-5-44-742251-6

© Елеонский В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава первая. Греховное тело	8
Глава вторая. Капризы Фортуны	16
Глава третья. Царь Ларс Волтумний	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Клелия
Падение этрусков
Владилен Елеонский

© Владилен Елеонский, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

*Взять Рим этрускам не придётся,
И враг победы не дождётся,
Есть шить, которая не рвётся,
Хоть рвётся всё, Рим не сдаётся.*

Владилен Елеонский, Клелия

Времена героической Клелии, изумившей Великого Порсену, царя этрусского города Клузия, безвозвратно канули в Лету, но получилось так, что её правнучка стала героиней моего повествования. Новоявленная Клелия, видимо, выполняя просьбу, то ли Великого понтифика, то ли римского диктатора Камилла, сейчас узнать невозможно, составила кое-какие записи, на которые я случайно натолкнулся, интересуясь историей взятия Вейев. Записи были датированы триста девяносто пятым годом до новой эры, в то время как описываемые в них события происходили годом ранее.

Записки показались мне довольно любопытными. Я расшифровал их, восстановил по смыслу кое-где подпорченные места, отредактировал текст и ныне предлагаю его вниманию заинтересованных читателей.

Итак, согласно записям Клелии её отец Гней Клелий Счастливец погиб от удара стрелой в спину. Капенская стрела подло вонзилась в его тело в тот момент, когда он пытался остановить дезертиров, бежавших из разбитого легиона Генуция в Рим.

В то время как Рим в многолетнем споре с этрусским городом Вейи по поводу земель вдоль реки Тибр, в конце концов, осадил Вейи и обнёс величественный город высоким земляным штурмовым валом, этрусский город Капена, союзник Вейев, постоянно теребил римлян нескончаемыми набегами, и некому было усмирить дерзких капенцев.

Наконец, римские проконсулы Тициний и Генуций двинули легионы на Капены, но угодили в засаду. Генуций пал. Его легион был разбит и разбежался.

Тицинию удалось отвести свой легион на возвышенность. Домой он сразу не пошёл, ему везде мерещились засады, зато дезертиры из разбитого легиона Генуция полетели в Рим и в осадный лагерь под Вейями, как на крыльях.

Объятые диким ужасом, беглецы призывали снять осаду с проклятых Вейев и немедленно уходить в Рим. Паникёры решили, что капенцы, разбив легион Генуция, немедля двинулись штурмовать Рим, что не соответствовало действительности. Капенцы не могли двинуться на Рим, оставив в тылу легион Тициния, который был ещё силён.

Если бы Рим поддался панике, последствия для него могли быть ужасными. Как раз в этот трагический момент Клелий пытался остановить дезертиров и получил удар в спину.

Наконечник стрелы глубоко вошёл, как клин, между позвонками и разорвал связки. «Так суждено» или «Так возжелали боги», – обычные фразы, которые говорят в таких случаях, – сейчас вдруг стали зловещими, потому что слова, выгравированные и вырезанные на стреле убийцы, говорили как раз то же самое.

Плотный, как кувшин, бородатый хирург-грек, строго хмуря нависшие над тёмными глазами чёрные брови, искусно извлёк стрелу из позвоночника в присутствии родственников погибшего Гнея Клелия Счастливого – супруги и дочери.

– Слушайте, жена и дочь! После того, как стрела разорвала позвоночник, ваш Гней Клелий жил ещё несколько ужасных часов, однако, когда его доставили ко мне, я не смог ему помочь. К сожалению, те, кто обнаружил его, стали ворочать и переворачивать тело, что ни в коем случае нельзя делать при травмах позвоночника. Наступивший шок, в конце концов, закончился летальным исходом. Сильный организм боролся, но проиграл. Перед кончиной он

бредил и постоянно звал какого-то Филунса. Я не вынимал стрелу, надеясь на чудо, но чудо не произошло. Сейчас, обследовав рану, могу сказать, что убийца – отличный стрелок, а если выяснится, что он к тому же знаток анатомии, я нисколько не удивлюсь. Уязвимую точку на позвоночнике между двух лопаток он знает, как кончик своего указательного пальца.

Клелия угрюмо смотрела на стрелу. После рассказа хирурга противная вялая старческая оторопь вошла в сердце и по-старушечьи сгорбила её гибкое молодое стройное тело. Обычная капенская стрела, необычно перевернувшая всю её жизнь, сама по себе не вызывала ужаса или ненависти. Одна лишь ледяная и чистая, как горная вода, решимость должна была теперь поселиться в сердцах женщин, внезапно оставшихся без отца и мужа.

Всё дело в том, что в то далёкое время, которое мы взяли здесь описывать, господствовало несколько иное отношение к смерти, нежели теперь. Кончина была тем важным моментом, когда трагедия окончания земного пути нивелировалась открывавшимися возможностями нового существования с учетом земных заслуг.

Причитания и горечь вызывала смерть недостойная, поскольку родственнику, недостойно перешедшему в мир теней, теперь было суждено начинать цикл заново вместо того, чтобы идти дальше, ввысь, к свету.

Самое драгоценное из всех зёрен, которое может взрастить каждый, – душа, – у такого родича оказывалось незрелым и поэтому не позволяло вырваться из объятий мира теней, томление в котором согласно представлениям древних римлян можно было прервать лишь одним, – новым воплощением в земном теле. Тогда появлялась цель, – взрастить всё-таки душу, окончить земной путь в повторном воплощении и прорваться сквозь мир теней в Божественный Мир Света, пройдя тем самым эволюцию, суть которой состоит в цикле рождений и смертей, причём рождению каждый раз в более совершенном земном теле с учётом накопленного опыта.

Героическая кончина Клелия Счастливого должна была вызвать гордость и восхищение за очередного представителя славного рода Клелиев, ушедшего ввысь, к тем своим предкам, которые успешно прошли земной круг и поднялись на ступень выше, в мир, где можно править и благотворно влиять на жизнь людей. Любая римская патрицианка знала, что после героической кончины мужа небесный род никогда не оставит её и всегда поможет.

Почему же лица Клелии и её мамы были сейчас такими серыми от горя? Да всё из-за того, что обычная капенская стрела оказалась трофейной стрелой Марка Горация Тратора, юноши, которого Клелия любила больше жизни, верила в свою будущую счастливую совместную жизнь с ним и никак не предполагала, что Марк может стать подлым убийцей её отца.

Ни для кого не было секретом, что Марк увлекался этрусским оружием, страстно любил анатомию, даже брал уроки у какого-то этруска, и мастерски поражал птиц и зверей на охоте именно в позвоночник, как раз в точку между лопаток.

Глава первая. Греховное тело

*О, Рим, поля твои, просторы,
Врагам лишь повод для раздоров,
Но горек им открытый бой,
Изменников готовят строй.*

Владилен Елеонский, Клелия

1

Марка Горация Тремора изобличил Аппий Корнелий Амбидекстр, бывший не так давно его наставником в войсках. Клелия хорошо знала Аппия, он был видный, красивый, умный, образованный, и одно время довольно серьёзно занимал её внимание, но затем появился Марк, и всё изменилось.

Аппий какое-то время был наставником римской молодёжи, – прекрасная ответственная почётная должность, – но вдруг попросился в действующую армию рядовым и вскоре, отличившись, получил большое повышение. Именно благодаря Аппию римляне отразили неожиданный набег капенских конников на римский осадный лагерь под Вейями и не позволили им сжечь римские осадные навесы.

После удачного боя с капенцами Аппий заметил, как Марк снял чехол со стрелами с капенского всадника, который погиб под градом бревен, спущенных Марком с откоса, на котором они были в избытке сложены в штабеля, будучи приготовленными для ремонта частокола на римском осадном валу вокруг Вейев. Аппий успел заметить, что капенские стрелы были обычными, – с овальным наконечником и красно-белым оперением. Необычным было то, что на овальном наконечнике красовалась искусная гравировка, изображавшая этрусскую богиню Судьбы Портунас с рогом избытка в одной руке и камнем в другой, здесь же была выгравирована надпись на этрусском языке «Так суждено». Необычной, по-видимому, была также этруская надпись, которая была зачем-то вырезана на древке, она гласила «Так желают Лефам и Филунс».

Ещё Марк нашёл у погибших в бою капенцев морской стилет с ручкой из слоновой кости. Ручка великолепного кинжала была выполнена в виде фигурки какого-то не очень доброго на вид глазастого этрусского бога с большой головой и бородой-лопатой. Марк преподнёс стилет в подарок своему наставнику, Аппию, восхищённый его самоотверженными действиями в бою. Если учесть любовь Марка к этрусскому оружию, не будет преувеличением сказать, что стилет он оторвал от самого сердца.

Аппий подробно всё живописал на суде, опустив лишь эпизод с дарением замечательного капенского морского кинжала. Марка осудили на смертную казнь вместе с теми дезертирами, которые бежали из разбитого легиона погибшего Гнея Генуция.

Обычная в таких случаях казнь, – прохождение осуждённых сквозь строй между двух шеренг и забивание до смерти древками копий, – прошла бы вполне заурядно, если бы не чёрная, как уголь, курчавая собачонка, зло вцепившаяся в щиколотку триария – римского ветерана, который гнал Марка вместе со всеми на казнь. Триарий, ругая неизвестно откуда взявшееся злобное существо, присел от боли на колени и попытался древком копья отпихнуть мерзкую собачонку.

Марк, воспользовавшись заминкой, подскочил к Марку Фурию Камиллу. Именно Марк Фурий Камилл, едва сделавшись по решению сената римским диктатором, постановил в целях укрепления дисциплины в армии казнить дезертиров, своей паникой едва не погубивших Рим.

– Похоже, животные любят тебя, юнец, – сказал тогда диктатор.

– Как и я их, о, достопочтенный Камилл.

– Вопрос в том, любишь ли ты людей больше, чем животных?

Вместо ответа Марк пожаловался на несправедливость вынесенного в отношении него приговора, обосновав свою претензию тем, что трофейные стрелы, одна из которых вонзилась между лопаток Гнея Клелия Счастливи́чика, были украдены из его походного сундука как раз накануне гибели Гнея. Он также сообщил о том, что у него есть алиби.

Марк рассказал, что он не маячил где-то за спиной Гнея в тот момент, когда тот пытался остановить дезертиров. Марк погнался за другой группой дезертиров, которые, увидев, что за ними гонится всадник, перешли Тибр вброд. Марку пришлось спешиться, так как кобыла, которую он впопыхах схватил в римском лагере под Вейями, не была приучена к воде и ни за что не желала отправляться через реку вброд, но поблизости никакого моста через широко разлившийся здесь Тибр, естественно, не было.

Марк перешёл реку вброд пешком. Беглецы исчезли в катакомбах, которых здесь было нартыто великое множество ещё со времён, когда в этих местах активно добывали известняк, но потом забросили добычу, так как появилась возможность получать более качественный материал из соседних италийских городов. Поплутав по переходам, Марк вышел на вершину скалы и вдруг увидел здесь раскидистый вековой дуб, из ствола которого торчала капенская стрела с красно-белым оперением.

Заинтересовавшись, Марк подошёл ближе и убедился, что стрела – одна из тех стрел, которые он взял у погибшего капенца в качестве трофея. На древке была вырезана точно такая же этрусская надпись «Так желают Лефам и Филунс», а наконечник украшала искусная гравировка в виде этрусской богини Судьбы и Счастья Портунас и надписью на этрусском языке «Так суждено». Марк протянул руку к стреле, но вдруг услышал гулкие шаги, шум от них раздавался из расселины.

Марк юркнул за дуб и спрятался здесь за огромный валун. Ему удалось разглядеть, осторожно выглядывая из-за камня, что к дубу подошёл человек в одежде вейента, воровато огляделся по сторонам, вдруг ловко выдернул стрелу из ствола дуба, живо сунул её за пазуху и поспешно скрылся в расселине.

Марк, выждав время, ничего больше не увидел, тогда он поднялся на валун и вдруг заметил славного юношу, скачущего внизу на белом коне. Умный белый скакун принадлежал Аппию, который был названным сыном сенатора Квинта Квинкция Суругого, а славный юноша числился при дворе Квинта его театральным актёром, но часто охотился на птиц у дубовой рощи на берегу ручья Тибрунуса, то есть как раз в тех местах, где сейчас видел его Марк. Они были знакомы, поскольку во времена безоблачной дружбы Аппий несколько раз приглашал Марка на театральные представления в имение Квинта, а после спектаклей Юл Верзила, так звали актёра, показывал различные фокусы фехтования мечом, видимо, угодливо преподнося их в качестве добавки к тем блюдам, которыми наслаждались уставшие к концу дня господа.

Единственным, что насторожило Марка, было то, что Юл нёсся во весь опор, как будто убегал от кого-то, а белый скакун, несмотря на его выносливость, был весь в мыле, словно за короткое время преодолел не один десяток миль. Удивлённый Марк окликнул Юла, тот оглянулся и помахал ему рукой.

Таким образом, есть человек, который может подтвердить алиби Марка, но следствие не удосужилось заняться проверкой, посчитав, что орудие убийства – стрела – является более убедительным доказательством, нежели призрачные факты, свидетельствующие о наличии алиби.

К счастью, Марк Фурий Камилл оказался не из тех, кто пускает дела на самотёк. К тому же диктатора весьма заинтересовал рассказ Марка о вейенте. Получается, какой-то вейент по катакомбам тайно приходил на римскую землю и держал связь с кем-то из римлян.

Давно ходили слухи, что катакомбы связаны секретным подземным ходом с подземельями города Вейи, причём так, что из осаждённой вейентской крепости можно было проникнуть прямо на римские земли. Однако до сих пор никак не удавалось обнаружить этот подземный ход, столь важный для Рима.

Камилл отложил исполнение приговора по делу Марка Горация Тремора ровно на месяц. По приказу диктатора римский квестор прибыл в имение Квинта Квинкция Суругого, чтобы допросить актёра Юла Верзилу. Здесь следователей ждал сюрприз.

Юл Верзила пропал, а сенатор Квинт Квинкция Суругый был обнаружен в своей любимой багровой спальне наверху его апартаментов с этрусским гладиаторским мечом в сердце. Казалось, что сенатор сам бросился на меч, что, кстати, было неудивительно, так как он совсем недавно проиграл Марку Фурию Камиллу в борьбе за пост римского диктатора.

Камилл выиграл у Квинкция, потому что обещал плебеям богатую добычу и заверил их, что в этом году непременно возьмёт Вейи штурмом. Камилл также поклялся, что, если не исполнит своё обещание по поводу великой добычи, которая ждёт уставших от войны и влезших в долги плебеев, он пойдёт на съедение толпе.

В просторном подземелье Квинта следственная комиссия вдруг обнаружила многочисленные свидетельства подготовки восстания плебеев в Риме. Здесь под видом корма для скота было запасено в значительном количестве продовольствие, воинская амуниция, лекарства для исцеления боевых ран, а также глиняные таблички, в которых плебс призывался к переходу на сторону богоподобных этрусков, власть которых так ненавистна римским патрициям-узурпаторам, доведшим народ до нескончаемой и губительной войны с этрусским городом Вейи. Короче говоря, обычная подготовка к разложению Рима изнутри.

Комиссия обнаружила также, что из имения, кроме Юла, пропали рабы – подростки Нос и Глория, а из подземелья в канализационный коллектор вели свежие кровавые следы. Помня наказ Камилла, римский квестор лично в сопровождении судебных следователей прошёл по грязному коллектору и вдруг вышел к тому самому месту, которое описывал Марк Гораций Тремор.

Выяснилось, что у выхода из коллектора находилась скала, а на её вершине рос дуб. Рядом с дубом темнели расселины известняковых пещер.

Квестор не стал лезть в пещеры, но зато осмотрел местность. Тщательный осмотр вдруг принёс кое-какие плоды.

В густых зарослях терновника рядом с расселиной, ведущей в пещеры, были обнаружены два мужских трупа с одним и тем же характерным ранением прямо в сердце, причём мечи торчали из раны.

Толстая Сильвия, сообразительная повариха Квинта Суругого, опознала трупы и мечи. Покойными оказались телохранители сенатора Квинта Квинкция Суругого, а мечи были их личным оружием. Получалось, что Квинт, приказав своим телохранителям броситься на мечи где-нибудь в укромном месте, сам бросился на меч в своей любимой багровой спальне.

Следствие зашло в тупик, однако Камилл был не из тех, кто привык отступать. Он приказал Аппию Корнелию Амбидекстру, который к тому времени, неоднократно отличившись в боях, стал его личным порученцем, взять Марка Горация Тремора и ещё раз тщательно обследовать пещеры с целью нахождения разгадки кончины сенатора и убийства Гнея Клелия Счастливого. Возможно, что удастся также обнаружить тайный ход, который, похоже, в самом деле, существовал и служил каналом связи между вейентами и заговорщиками в Риме.

Марк и Аппий прибыли в пещеры и первое, что сделали – отбили огромного красивого белого пса от толпы бандитов, которые выглядели как мясники с Бычьего рынка, но, однако же,

имели довольно неплохую воинскую подготовку. Они, как безумные, колотили пса палками и орала, что он загрыз их бригадира. Собака стонала под жестокими ударами, как человек.

Двое встали против толпы бандитов. Негодяи предвкушали жестокую расправу, но знаменитая подножка Марка, которой он, бывало, сбивал на занятиях даже Аппия, расстроила ряды подонков. Аппий же так виртуозно работал обеими руками, кстати, Амбидекстр в переводе с латинского языка означает Двурукый, что бандиты разбежались, как тараканы, кто куда.

Молодые люди пытались преследовать беглецов, но они, как сквозь землю провалились. Когда посланцы Камилла вернулись к собаке, Аппий и Марк узнали белого пса. Он был любимой и единственной гончей Гнея Клелия Счастливого.

3

Марк и Аппий отнесли пса в римский лагерь под Вейями, где хирург оказал ему помощь, и доложили о происшествии Камиллу. Диктатор, как видно, неплохо владел дедуктивными методами. Он приказал молодым людям немедленно проверить имение Гнея Клелия Счастливого.

Прибыв в имение Клелиев, Аппий и Марк обнаружили страшную картину. Всё было разграблено, в потемневшем от грязи бассейне плавали гуси и утки. Из взбаламученного фонтана в саду пили овцы и свиньи. На террасу взошли лошади и с шумом опрокинули столы.

Единственная живая душа, няня Клелии и по совместительству повараха, лежала в каком-то пыльном чулане, на кушетке. У неё была разбита голова. Ей совершенно некому было помочь.

Молодые люди промыли рану, перевязали её свежей тряпицей, и дали пожилой женщине ключевой воды из своих фляжек. Рассказ Терции поверг их в полное недоумение.

Несколько дней назад неизвестные, похожие на мясников с Бычьего рынка, грубые, упитанные, красномордые, вторглись в имение и дерзко разграбили его. Терция пыталась помешать им, потому что больше помешать преступникам было некому, – в роду Клелиев не осталось мужчин. Огромный, как грубая скала, великан огрел её палкой по затылку, а другой главарь бандитов, кривоногий и плешивый с козлиной бородкой, вытянул из неё всю информацию о фамильных драгоценностях.

– Всё украли, всё, но что сокровища? Они украли моё самое дорогое сокровище – Клелию! А тот с волчьими глазами, настоящий гад, он решил надругаться над моей девочкой. Всё, я не могу говорить!

– Терция, успокойся, пожалуйста. Что он сделал с Клелией?

– Не знаю, дорогой мой Марк. Меня заперли в чулан!

– Может, тебе бросилось в глаза что-нибудь необычное?

Терция прерывисто вздохнула, по её щекам потекли мутные скупые слёзы, но душевный голос Марка действовал успокаивающе. Она снова стала говорить.

– Детки, я знаю этрусков, сама несколько лет в детстве жила в этруском городе Цере. Так вот, главарь у них был этруск! Плотный, как шкаф, щекастый, как сторожевой пёс, с раскосыми глазами, как у волка, а левая щека у него сильно обожжена. Он был в иссиня-чёрном одеянии, но пояс у него был алый этрусский, алая шапочка была также явно этрусская, а красные сапожки на ногах с загнутыми вверх носами тоже, безусловно, из Этрурии. Помимо всего этого, лица этрусков я хорошо знаю. Есть у них такие типажи. Совершенно точно!

Снова обо всём было доложено Камиллу. Здесь даже аналитический ум диктатора, кажется, дал осечку.

4

Неизвестно, чем бы всё закончилось, но неожиданно римский квестор сообщил о чрезвычайно важной находке, которую случайно сделал один из охотников на кабанов. В поисках удобного места для засады он забрался на дуб недалеко от берега ручья Тибрунуса и вдруг сверху увидел в густых зарослях вместо кабана чёрный предмет, похожий на массивное мужское тело.

Прибыв по вызову, следственная комиссия обнаружила в кустарнике труп мужчины. Огромный и плотный, как шкаф, он имел характерное щекастое лицо и глубоко посаженные волчьи глазки. Погибший был одет в чёрную, как уголь, одежду римского производства, однако алый пояс, красная шапочка и ярко-красные кожаные сапожки с круто загнутыми вверх носами были этрусского происхождения. Левая щека трупа была сильно обожжена. По всем признакам смерть наступила от того, что какой-то зверь вырвал мужчине кадык.

Тем временем сенат вызвал Камилла для заслушивания чрезвычайно важного дела. Великий понтифик, разбирая угли в архиве, которые никто до него не удосужился разобрать за шестьдесят три года, прошедшие со дня грандиозного пожара в Храме богини Весты, вдруг обнаружил в целости и сохранности хронику рода Клелиев, которая до этого считалась утерянной. Прочитав хронику, Великий понтифик счёл необходимым немедленно доложить сенаторам отрывок текста, который, по всей видимости, относился к современным дням и выглядел устрашающим.

По указанию диктатора круглый, как колоб, веснушчатый глашатай с торчащими в стороны редкими медно-рыжими волосами выразительно зачитал обнаруженный отрывок. Он глагол: «Последняя в роду Клелиев увидит Воина в бронзовом шлеме в Священной роще, – недобрый знак. Событие станет роковым для Рима, поскольку вскоре капенская красно-белая стрела поразит в спину её отца, он умрёт в муках, а дочь, буруеваемая недостойной страстью, переметнётся на сторону этрусков. После того, как последняя девица в роду Клелиев перебежит к этрускам, Рим потеряет силу и покорится этрусскому городу Вейи».

Все сенаторы похолодели от ужаса. Все знали, что четырнадцатилетняя девица Клелия не прошла процедуру инициации, которую Великий понтифик устроил для юных представительниц самых знатных римских родов, чтобы повысить влияние этих родов в политической жизни Рима и так сплотить патрициев в борьбе против плебеев.

Священная змея в Священной пещере не приняла подношение Клелии, – молоко в блюде. Более того, змея едва не укусила недостойную кандидатку. Из этого следовало, что Клелия допустила незаконное познание своей юной плоти. Результаты инициации и сам факт её проведения сразу же строго засекретили.

Когда глашатай умолк, Великий понтифик поднялся со скамьи и сказал, что упоминание о Воине в бронзовом шлеме не является чем-то новым. Все знают, что если кто-то увидит его в Священной роще, значит, Рим ждут великие потрясения.

Все также знают, сказал Великий понтифик, о проклятии Великого Порсены. Этрусский царь, сто лет назад вознамерившийся восстановить в Риме этрусскую династию Тарквиниев, восхитился доблестью юной Клелии, которая, обманув стражу, увела с собой девушек-заложниц, переплыв ночью опасный в том месте Тибр, и сорвала переговоры римского сената с Порсеной.

Тем не менее, Порсена, изумлённый мужеством хрупкой девушки, не стал возобновлять военные действия с Римом, но, однако, не простил ей дерзость. Порсена наложил на род Клелиев тайное проклятье и предсказал, что после того, как последняя в роду Клелиев девушка, восплавав низменной страстью к этруску, перебежит вместе с ним в Вейи, Рим развалится, уподобившись гнилой хижине.

Камиллу пришлось добавить масла в огонь. Он сообщил, что, судя по имеющимся фактам, Клелия исчезла из своего имени, а Квинт Квинкций Суровый, по всей видимости, был связан с вейентским царём Ларсом Волтумнием, так как имя Квинта было превращено

в тайную этрусскую базу для подготовки восстания против римского сената. Для этого вейенты планировали взбудоражить и без того беспокойный римский плебс.

Сенаторов настолько поразили зловещие вести, что они постановили немедленно разыскать местонахождение Клелии. Положение усугублялось тем, что девушки, проходившие инициацию вместе с Клелией, как считалось, находились целый месяц в Священной роще, принося благодарственные дары Верховной богине Юноне, однако на днях выяснилось, что они бесследно исчезли!

Среди девушек выделялась высокая и худая Марция из весьма знатного рода, поэтому родичи Марции стали трясти сенат, как грушу, с которой вдруг перестали сыпаться плоды. Последний раз почти месяц назад девушек видела какая-то торговка, которая везла в Рим на продажу кур и гусей. Торговка заприметила, что означенные девушки гнались за белокурой белокожей и глазастой, как богиня, сверстницей. Судя по описанию, то была Клелия.

– Я тоже видела Воина в бронзовом шлеме в Священной роще! – кричала белокурая девица своим обозлённым преследовательницам. – Оставьте меня в покое, дуры! Я должна немедленно сообщить сенату.

Таковы были свидетельские показания и факты. Чем больше их становилось, тем больше запутывалось дело.

С тяжёлым сердцем Камилл вернулся в осадный лагерь под Вейями. Мысли наскакивали одна на другую.

К счастью, Аппий и Марк не сидели, сложа руки. Пёс почувствовал себя гораздо лучше, и молодые люди обследовали пещеры с его помощью. Очень скоро умная собака нашла следы свежей крови, они уводили вниз в сырой узкий и низкий ход. Идти туда вместе с собакой было очень неудобно, тем более, что пёс всё ещё плохо ходил после полученных травм.

Когда Камиллу доложили о результатах, он приказал Аппию и Марку взять сапёрное снаряжение, которым Аппий, будучи в своё время наставником римской призывной молодёжи, прекрасно владел, и снова идти к пещерам. Камилл поставил задачу, – по следам крови обнаружить тайный подземный ход и догнать беглецов.

Камилл также сообщил, что по самым свежим данным, как засвидетельствовала Сильвия, личная повариха Квинта, в имении сенатора гостила Клелия, которую откуда-то тайно привёз Юл Верзила, якобы за ней гнались бандиты, но слуги обнаружили её и сдали сенатору. Когда исчезли Юл, Нос и Глория, Клелия тоже исчезла. Возможно, она ушла вместе с ними.

– Понятна задача?

– Да, диктатор.

– Поройтесь на складе, подберите одежду, похожую на ту, в которой были бандиты. Не следует привлекать к себе внимание одеждой римских воинов.

5

Камилл знал, что Аппий был названным сыном Квинта Квинкция Сурового. Знал ли Квинт о тайной базе заговорщиков, был ли сам в их числе, пока было непонятно. Соответственно непонятна роль Аппия, – то ли он знал о заговоре, но не сообщил властям, то ли ничего не знал, то ли не только знал, но сам был заговорщиком.

Квинт преклонялся перед этрусской культурой, был убеждён, что война с Вейями – ошибка, но всё-таки версия, согласно которой Квинт был предателем, казалась маловероятной. Хотя кто может за кого поручиться в нашем многоликом мире?

Аппий проявил себя доблестным воином, одно время он служил ликтором в Храме богини Весты, затем, как неоднократно упоминалось, неплохо проявил себя наставником римской допризывной молодёжи, но вскоре попросился в действующую армию, в осадный лагерь под Вейями. Не похоже, что Аппий – прямой, открытый и обласканный славой воин, – заго-

ворщик против Рима. Хотя, опять же, кто из смертных может поручиться с полной уверенностью за другого смертного?

Теперь Камилл намеренно посылал Аппия в пещеры на поиски тайного канала связи заговорщиков с вейентским царём Ларсом. Если Аппий – предатель, он, скорее всего, сбежит в Вейи и предупредит царя о том, что опорная база восстания в Риме, тайно оборудованная в имении Квинта, провалена. Что ж, одним опасным заговорщиком в Риме станет меньше!

Однако в таком случае Марку Горацию Тремору, которого Камилл также намеренно отправил с Аппием, грозит смертельная опасность, назад никто не вернётся, как не раз бывало до этого. Что ж, случится ещё один неудачный разведывательный рейд в проклятые катакомбы!

Что значит для Рима жизнь Марка Горация Тремора, – человека, приговорённого римским судом к смерти? В то, что Марк не причастен к гибели Гнея Клелия Счастливого, Камилл не верил.

До Камилла, между прочим, недавно дошли слухи от рабов в имении Горациев, что Гней Клелий Счастливчик, отец Клелии, был против брака единственной дочери с Марком Горацием. Отец Клелии ненавидел Марка, считал его мутным типом себе на уме, способным на всё ради славы этрусского оружия. По мнению Гнея Клелия, Марк не воевал, а изображал своё участие в войне с вейентами.

Преданные агенты также донесли диктатору, что Марк очень переживал по поводу того, что Клелия одно время встречалась с Аппием и, как утверждают злые языки, имела с ним интимную связь, именно поэтому ей не удалось пройти инициацию. Священная змея всегда превосходно чувствует тех, кто нарушил закон интимного познания!

Камилл не сомневался также в том, что Клелия могла спровоцировать конфликт. Он был наслышан об этом дивном создании.

Четырнадцатилетняя девица нежно благоухала, словно только что распустившийся бутон жёлто-зеленоватой розы. Такие розы взрастить не так-то просто, как правило, их выводят гениальные цветоводы, да и то, не с первой и не со второй попытки. Глубокие светлые обворожительные глаза, волнистые белокурые волосы, живое лицо с правильными чертами, точёная шея, идеальные плечи и фигура могли смутить любого, даже давно искушённого женской красотой.

Короче говоря, Камилл нашёл, что с многих точек зрения является весьма полезным отправлением в опасное предприятие, связанное с проверкой на преданность Риму, именно Аппия и Марка, причём в одной связке. Однако в глубине души диктатор не верил, что из этого выйдет что-либо путное.

Лучший в Риме инженер по имени Павл готовил для Камилла более рациональный и надёжный вариант, – он рыл тайный подземный ход к этрускам, прямо в сердце Вейев, в подземелье Храма богини Уни. То был главный храм города, то самое место, где зачастую сам царь Ларс проводил жертвоприношения верховной этрусской богине и её многочисленным воплощениям.

Помимо того, что Камилл укрепил в армии дисциплину, казнив дезертиров, и начал рыть важный подземный ход, суливший стать ключом к взятию неприступной вейентской твердыни, диктатор за короткий срок сумел сделать ещё три очень важных дела.

Камилл запретил нескончаемые стихийные стычки, которые постоянно происходили под стенами Вейев между римлянами и вейентами, и начал искать точки соприкосновения патрициев и плебеев с тем, чтобы прекратить срывы плебеями поставок продовольствия, от которых очень сильно страдала римская армия, впервые в римской истории ставшая в осадном лагере под Вейями регулярной. Камилл в первый раз за все девять лет осады дал возможность солдатам, находившимся под вейентскими стенами, есть досыта и отдыхать, набираясь сил для решительного штурма.

Как военачальник, Камилл тоже не сидел, сложа руки, и занимался не только расследованиями. Новоиспечённый диктатор сделал то, что до него не удавалось ни одному полководцу, – усмирил капенцев.

В ужасающем по накалу сражении, в котором, кстати, снова отличился Аппий Корнелий Амбидекстр, потому-то был сразу замечен Камиллом и приближен в качестве порученца, превосходно экипированные капенцы были разбиты наголову. Угроза для Рима с тыла была, наконец, ликвидирована.

Глава вторая. Капризы Фортуны

*Темно, но мы идём по следу,
Грязь, гниль, но мы не привереды,
Ведём с Костлявой мы дуэль,
И светит нам Благая цель!*

Владилен Елеонский, Клелия

1

Марк Фурий Камилл не хватал звёзд с неба, поэтому ли или по другой причине небо явно благоволило ему. Внешне ничем особенным он не выделялся: плотный среднего роста, с добродушным лицом пятидесятилетнего мужчины, повидавшего тяготы военных походов и прелести мирной жизни. Среди римских патрициев встречались гораздо более колоритные типажи, но не они вошли в римскую историю.

По приказу Камилла шесть трибунов, членов военного совета, собрались в комнате для совещаний. Каждый из них командовал усиленной когортой пехотинцев численностью до восьмисот человек.

Прежде чем начать обсуждение дел, Камилл предложил вспомнить павшего в бою проконсула Гнея Генуция. Храбрый проконсул погиб, но дело, которое он начал, не погибло, оно успешно завершено, – капенцы, наконец, усмирены.

Военный трибун Гай Генуций, младший брат павшего в бою проконсула, благодарно кивнул после тёплых слов Камилла о его старшем брате. Белая ручная крыса, сидевшая на его плече, вдруг стала настойчиво трогать шею своего хозяина подвижным влажным красноватым носиком и делала так до тех пор, пока военный трибун, встрепенувшись, не дал ей вкусный пахучий сухарик.

Камилл знал о крысе. Генуции считали белую крысу своим родовым талисманом. Старший брат Гая проконсул Гней тоже носил белую ручную крысу на плече. За день до его гибели крыса исчезла, и её до сих пор не нашли.

Далее Камилл оценил действия каждого командира, задал вопросы, терпеливо выслушал ответы и сделал кое-какие замечания. Вдруг Камилл внимательно оглядел осунувшиеся усталые лица членов военного совета и заговорил тихо, но четко и внятно.

– Есть ещё одна добрая весть, друзья мои. Остальные этрусские города не будут помогать Вейям, по крайней мере, в обозримом будущем. Следовательно, с ними не будет войны, что очень важно для нас на сегодняшний момент. Эгоистическая политика Вейев мешает остальным этрусским городам вести выгодную торговлю с римлянами. Помимо этого, с севера движется неведомая доселе грозная сила. Многочисленное племя галлов просочилось через Альпы, дерзко расселяется в северной Италии, и этруски едва сдерживают их. Галлы планируют поодиночке разбить все этрусские города-государства. Вопросы?

– Диктатор! – сказал, резко поднявшись со своего места, военный трибун Манлий, бледный щуплый лобастый брюнет с желтоватым лицом человека, хронически больного малярией. – Мы до сих пор, как ни старались, ничего не узнали о каналах снабжения вейентов через подземные ходы. Сеть подземных ходов представляет собой неразрешимую головоломку! Многие воины моей когорты погибли, пытаюсь разгадать её. Вместо когорты у меня осталась лишь горстка смертельно уставших людей.

– Решение этого ответственного вопроса я беру на себя, Манлий. А тебе ставлю новую задачу. Ты в срочном порядке подготовишь отборную штурмовую когорту из лучших сапёров

и пехотинцев. Для её формирования остальные военные трибуны предложат тебе своих лучших бойцов. Как проходит прокладка нашего подземного штурмового хода?

Манлий стал нетерпеливо топтаться на месте так, будто его босые пятки внезапно оказались на жаровне. В действительности ноги Манлия были обуты в прочные глухие римские походные сандалии с очень толстой подошвой, и никакой жаровни под ними не было.

– Диктатор, должен сказать тебе, что Павл Инженер, по всей видимости, агент царя Ларса. Работы идут очень медленно! Павл постоянно останавливает их, делает нескончаемые замеры и просит рыть осторожно, словно боится прикоснуться к земле.

Камилл строго посмотрел на Манлия, неодобрительно покачал головой и сделал всем присутствующим знак рукой, давая понять, что заседание военного совета окончено. Манлий задержался, но Камилл вышел из комнаты, даже не взглянув на него.

2

Теперь, любезный мой читатель, мы вернёмся немного назад, чтобы понять, что случилось с нашей дорогой Клелией. Мы видим её в имении Квинта Квинкция Сурового. Труп сенатора лежит наверху, в багровой спальне, сама же Клелия горько плачет внизу, во дворе.

Хмурый рассвет раздражённо тронул небо. Перистиль нехотя проступил из мрака. Ночь медленно отступала с неба за край земли.

Клелия в разодранной тунике сидела в галерее у колонны. Лицо покраснелось и припухло, глаза покраснели, слёзы обильными струями текли по щекам, и девушка глотала их так, словно по щекам текла вода.

Всё началось с того, что она не прошла инициацию, которую зачем-то затеял Великий понтифик. Священная змея ошиблась, но как объяснить сей факт Великому понтифику и тем двенадцати сверстницам, которые, пройдя инициацию успешно, вдруг увидели в Клелии зло, угрожающее Риму?

Отец сильно переживал и вскоре погиб, якобы от стрелы капенца, на самом деле от руки Марка Горация Тремора, – юноши, которого Клелия любила больше жизни, но который поступил так низко и подло.

Не вынеся горя, скончалась мать. После этого напасти посыпались, как грозовой камнепад в горах.

Какой-то плешивый козлоногий мужик нагло проник в имение и пытался похитить её прямо во время купания в бассейне. Помня приёмы, которым обучил её отец, она дала достойный отпор, Плешивый бежал, однако на следующий день в имение ворвалась целая банда и всё разграбила. Клелии чудом удалось ускользнуть, её спас актёр Юл Верзила и на белом скакуне привёз сюда, в имение своего господина.

Сенатор Квинт Квинкция выслушал Клелию, обещал помочь и вдруг случайно обнаружил у Юла Верзила капенские стрелы, точно такие же, какие были у Марка Горация Тремора. Квинт с пристрастием допросил Юла, и тот сознался, что является связным между царём Ларсом и заговорщиками в Риме.

Дальше случилось нечто совершенно невероятное. Юлу удалось бежать, а сенатор лежит наверху мёртвый, потому что Юл убил его! Что теперь делать?

– Ай-яй-яй, моя богиня плачет.

Клелия подняла глаза и увидела Носа. Раб Квинкция, поджарый, улыбочивый, в самом деле, носатый юноша, заботливо набросил на плечи девушки новенький бежевого цвета шерстяной плащ.

– Что делать, Нос? Беда!

– Ты спасла меня от несправедливых притеснений поварихи Сильвии. Сто лет мне нужно было воровать козье молоко! Ты защитила меня от издевательств Юла, он так любил найти

повод, чтобы побить меня. Ты помогла мне, а я помогу тебе, моя богиня. Слезами горю не поможешь.

– Нос, послушай, Юл хотел увести меня силой в Вейи. Я узнала его тайну. Капенские стрелы, которые ты, Нос, случайно взял в его кладовке и вынес во двор, чтобы сенатор мог позабавиться в тот вечер стрельбой из капенского лука, оказались с секретом.

– Знаю! Они не могут лететь прямо, кувыркаются, пока к ним не прицепишь балласт. Юл цеплял к ним какие-то вогнутые бронзовые таблички.

– Не какие-то, Нос, а очень важные таблички. В них заговорщики из Рима передавали ценную информацию, а, может быть, подавали ими условные сигналы вейентскому царю Ларсу Волтумнию. Квинт случайно обнаружил одну из таких табличек, она была прикреплена к одной из стрел, и поплатился жизнью. Он сумел прочитать странную фразу на этрусском языке, выдавленную на табличке, она гласила: «Огонь Весты погас».

– О, вчера гонец из Рима принёс весть о том, что Священный огонь в римском храме богини Весты в самом деле погас.

– В том-то и дело! Всё очень странно.

– Мне жаль нашего господина. У него были странности, но он искренне заботился о нас. Мы были за ним, как за каменной стеной. Что будет теперь?

– Нос, милый, скажи мне, пожалуйста, ты видел, куда скрылся проклятый Юл?

– Убийца нашего многоуважаемого хозяина и, как он сам признался хозяину, прежде чем убить его, двух верных его телохранителей скрылся в подземелье нашего имения. К сожалению, я плохо знаю наши подземные ходы. Там можно запросто заблудиться. Я боюсь замкнутых пространств, поэтому не пошёл вслед за Юлом и тебе не советую!

– Дело в том, Нос, что у Юла были стрелы, как бы тебе сказать, очень важные для меня. Одной из таких капенских стрел с такой же гравировкой был подло убит мой отец. Подозрение пало на дорогого мне человека, и теперь я вижу, что мои сомнения в обоснованности выдвинутого против него обвинения, были не напрасны. Надо установить истину! Я должна выяснить правду и узнать, кто на самом деле убил моего отца. Я тебе говорила, Юл хотел силой утащить меня в Вейи, а когда я отказалась, чуть не убил меня. Возможно, Юл знает, кто убил моего отца.

Клелия приподняла плащ и показала Носу разорванную на бедре тунику. Материя на боку девушки была неровно рассечена, словно тупой бритвой.

– Я защищалась, как могла, и ранила его. Он сбежал, ты говоришь, что в подземелье. Если бы не гибель моего отца, дорогой Нос, я никогда не решилась бы идти в мрачные сырые ходы, но если Юл ушёл туда, я должна идти следом!

– Прости, моя богиня... Я не могу! Я начну выть и бесноваться в темноте. Я всё тебе испорчу!

– Зато я не испорчу!

Клелия и Нос удивлённо обернулись на звук страстного возгласа. Посреди прохода в галерее стояла Глория, стройная, как тростинка, симпатичная черноокая девочка лет двенадцати, на ней были дырявые туника и дорожный плащ.

– Глория, радость моя!..

– Я тоже рада тебя видеть, моя госпожа. Сенатор Квинт Квинкий Суровый раздел меня догола, обсыпал тело мелом и сделал скульптурной каменной своего фонтана во дворе. Слуги издевались надо мной, а я должна была терпеть и стоять неподвижно, изображая, как камена льёт родниковую воду из кувшина в чашу. Я изнемогала от жажды, но не могла шевельнуться, а мои ноги были скованы кандалами. Для маскировки цепь на моих ногах также была обсыпана мелом. Сенатор, видите ли, таким образом боролся со своей странной тягой ко мне. Ты защитила меня! Ты дала сенатору некий чудодейственный порошок и его страсть смягчилась. С меня сняли кандалы, и я смогла жить, как все люди. Как я могу забыть такое? Я помогу тебе изловить проклятого Юла! Он за всё поплатится. Я знаю!

– Как же ты сможешь найти Юла?

– Вчера он повёл слуг хозяина к своему дубу по полю. Однако, есть другой путь, по которому он, взяв с собой чехол с красно-белыми стрелами, до этого постоянно ходил к тому дубу на скале. Юл скрыл подземный путь от слуг господина. Убив нашего незабвенного хозяина, он бросился прочь именно этим подземным путём.

Клелия вскочила на ноги, подбежала к Глории и обняла её. Девочка-рабыня доверчиво прижалась к Клелии, как к сестре.

– Неужели мы поймаем его, девочка?

– Мы пойдём по его следам, моя госпожа. У нас будет верная примета. Он едва идёт, хватается за подземные своды коллектора и мажет их своей чёрной кровью. Госпожа ранила гадёныша в шею пилкой для ногтей!

– Девочки, вы идите, а я остаюсь.

– Нос, не бойся, – сказала Клелия. – Ты забыл, что у меня есть чудодейственное снадобье, которое дала мне моя няня? Все твои страхи как рукой снимет. Жаль, что оно не может устранить мою боязнь воды.

3

Удивительно, как Глория безошибочно ориентировалась в подземелье. Заброшенный коллектор два или три раза раздваивался, но Глория всякий раз находила верную дорогу, не забредая в тупик.

– Как ты ориентируешься?

– О, моя госпожа! Первые шесть лет своей жизни я жила в подземелье.

– Почему?

Глория пробормотала в ответ что-то невразумительное и замолчала. Клелия напрасно ждала от неё ответ.

– Да потому, что её папа не хотел, чтобы свет узнал о том, что у него родилась дочь, – сказал Нос за Глорию.

– Станный папа! Кстати, маму Глории я знаю, это повариха Сильвия, а кто её папа?

– Квинт Квинкций Суровый. Говорю тебе, моя богиня, только потому, что его нет в живых. При его жизни за такую болтовню можно было запросто лишиться языка.

– Не называй меня богиней, Нос! Зови по имени.

– Хорошо, моя богиня.

Клелия поняла, что лучше больше ничего не спрашивать и не просить. Вскоре они втроём оказались у выхода из коллектора.

В низине, рядом с выходом из подземной сточной канавы, рос корявый приземистый дуб. Его узловатая кора напоминала мослы мерзкого старика, а неровная крона – ободранную старческую шевелюру. Тем не менее, тень от дуба надёжно прикрывала выход из коллектора от любопытных глаз.

В тридцати шагах от этого дуба возвышался другой дуб, высокий, красивый, раскидистый с ровной кроной в виде шатра. Этот дуб рос на высокой отвесной скале.

– Вот как Юл поступал, моя госпожа! Он становился у выхода из коллектора и стрелял из лука стрелой в ствол дуба на скале.

– Как же ты могла всё это видеть? Он должен был тебя заметить!

– Вблизи от выхода из коллектора есть ответвление, там тупик. Я пряталась в тупике. Он стрелял в дуб и возвращался обратно по коллектору. Я наблюдала за ним, а когда он шёл обратно, пряталась в тупик.

– Ты удивительно расторопна!

– Пойдём дальше?

- Конечно! Надо догнать Юла.
- Но на земле я плохо ориентируюсь, моя госпожа.
- Я вас поведу, – важно сказал Нос. – Я часто искал хозяину пропавшую скотину по пятнам крови.

4

Нос, безошибочно определяя пятнышки свежей крови, которые практически невозможно было заметить невооружённым глазом, завёл девушек в просторную пещеру. Сквозь пролом сверху в неё струился яркий дневной свет.

– Ловко я нашёл дорогу? Чёрная кровь Юла от меня не скроется. Так, посмотрим. Дальше, похоже, Юл снова пошёл по подземелью. Глория, теперь снова твоя очередь!

Глория побродила по пещерам и вскоре вернулась. Выражение лица у неё было загадочное.

- Там подземный ход. Юл скрылся в нём!
- Идём, девочка, время уходит, он может уйти!
- О, моя госпожа, мы можем не вернуться. Я чувствую, там большая опасность. Много людей там погибло!

Клелия подошла к Глории и нежно обняла её. Глория испуганно посмотрела на Клелию и прижалась к её груди.

- Мне очень страшно.
- Что же делать, милая Глория? Ты неплохо ориентируешься в замкнутом пространстве. У тебя получится.
- Если моя госпожа так говорит, значит, она знает. Хорошо, пойдём!

Глория нахмурилась, отстранилась от Клелии, сжала кулачки, развернулась и пошла в тёмный извилистый переход. Клелия и Нос пошли за ней.

- Там дальше будут сплошные известняковые катакомбы, – сказала Глория, – мы можем заблудиться.
- Пятна крови выведут, – беззаботно сказал Нос.

5

Вначале всё напоминало весёлую прогулку. Живописные известняковые пещеры, освещаемые светом сквозь проломы и расселины, завораживали. Высокие своды, замысловатые поверхности стен, словно тайные барельефы, разные оттенки белого и серого цветов, – всё было интересно и необычно.

Нос замечал следы, оставленные Юлом Верзилой. Было видно, что Юла мотало из стороны в сторону, иногда он падал и поэтому оставил значительное количество свежих кровавых следов.

Примерно через полмили пещеры закончились. Клелия, Нос и Глория вошли в узкий извилистый проход, он круто пошёл вниз, в темноту. Нос зажёл походную масляную лампу, которую предусмотрительно взял с собой из дома.

Удовольствие от путешествия закончилось. Естественный подземный ход уходил то влево, то вправо, то вверх, то вниз. Высота хода резко снизилась. Теперь приходилось сгибаться в три погибели, а иногда идти на четвереньках. Стали часто попадаться суженные проходы, больше похожие на щели, сквозь которые приходилось буквально протискиваться, извиваясь всем телом. Следопыты, с трудом продвигаясь в тесноте, постоянно тёрлись о стены и стали все белые от мела.

Примерно через милю такого движения своды перехода приподнялись, но ко всем трудностям прибавилась вода. Вначале она грустно хлопала под ногами, затем стала хватать за щиколотки, а вскоре поднялась выше колен, мешая идти.

Клелия почувствовала непреодолимый ужас при виде воды. Она не могла заставить себя ступить в чёрную хлопющую жидкость. Казалось, что из чёрной воды подземелья сейчас высунется уродливая плешивая голова с ободранной козлиной бородкой и, омерзительная рука-крюк цепко схватит её за горло.

– Я не могу идти по воде.

Нос среагировал на слова Клелии мгновенно. Он передал лампу Глории, упал на четвереньки и дико заржал лошадьё. Клелия и Глория удивлённо уставились на него.

– О, моя богиня, я с удовольствием подвезу тебя на своём твёрдом, как ствол ясеня, хребте.

– Нос, ты не сможешь.

– А ты попробуй.

Страх перед водой был настолько силён, что Клелия без колебаний села на крепкую твёрдую спину Носа. Глория хихикнула, глядя на забавную всадницу. Нос, призывно заржав, понёсся на четвереньках по подземному ходу. Девочки завизжали от восторга.

Скоро Нос устал, а воде, казалось, не было конца. Весь мокрый, Нос угрюмо полз на четвереньках по нескончаемой жиже, но не сдавался. Клелии было очень жалко его, она гладила Носа по голове, но слезть обратно в воду было выше её сил.

– Клелия, расскажи что-нибудь.

– Что рассказать?

– Расскажи, почему ты боишься воды!

– О, это долгая история!

– Расскажи, пожалуйста, тогда мне будет легче хлопать по жиже.

– Хорошо, милый Носик, слушай.

Клелия, как наяву увидела тот день, после которого она теперь не могла спокойно смотреть на водоёмы и потоки воды. Мама к тому времени слегла после похорон отца. Луна давно набрала полноту с того дня, как тело отца было предано на съедение погребальному огню, но никакого улучшения в состоянии матери не наблюдалось. Цветущая женщина превратилась в седую морщинистую старуху. День проходил за днём, а она лежала и не вставала.

Лекарь, дальний родственник из Рима, загадочно пояснил, что болезнь имеет не телесное, а умственное происхождение. Он посоветовал пить настой из ромашки, но мама решительно отказалась лечиться, молвив, что на всё воля богов.

Горькие воспоминания нахлынули и опять стали саднить сердце. Клелии снова в полной мере пришлось осознать себя сиротой. Мама не смогла жить, она ушла к отцу.

– Моя богиня, рассказывай.

– Хорошо, хорошо, слушай. Когда я жила в своём имении, я каждое утро совершала омовения в бассейне. Раньше я купалась в удовольствие, но в тот день мне показалось, что я смою с себя горе, которого стало слишком много. Я стала круглой сиротой!

Великолепный бассейн с прозрачной водой располагался в нашем имении посреди двора, огороженного крытой колоннадой, и сверкал в полуденных солнечных лучах так, словно желал говорить глупости и шутки, но за неимением языка довольствовался игрой света в воде. Выложенное разноцветной мозаикой дно бассейна завлекательно переливалось в ярком солнечном свете, пронзавшем толщу прозрачной воды.

С наслаждением искупавшись, я, обнажённая, поскольку во всём доме были только я и Терция, моя няня, спокойно вышла, не опасаясь посторонних глаз, из бассейна по ступенькам, взяла с резного мраморного бортика свежую простынь и стала заворачиваться в неё. Мне

вдруг, в самом деле, стало легче. Горестная тяжесть отступила, словно провалилась сквозь землю, теперь мне захотелось прилечь в спальне наверху и немного подремать.

Внезапно из-за колонны вышел плешивый кривоногий мужик лет сорока с трясущейся как у козла бородкой и щербатым землистого цвета лицом. Бешеные глаза незваного гостя горели как угли остывшего под утро очага. По козлиной бородке страшноватого незнакомца текли слюни, как будто он, будучи чрезвычайно голодным, нежданно-негаданно увидел аппетитное блюдо.

Появление незнакомца было внезапным подобно грозе. Я громко вскрикнула от неожиданности.

– Я пришёл за тобой, цыплёнок, – хрипло сказал Плешивый и гадко захихикал.

Жуткий озноб пробежал по моему телу. В следующий миг незнакомец, утробно заурчав, кинулся на меня. Он, по всей видимости, посчитал, что перед ним лёгкая добыча.

Учитывая наглость, ловкость, проворство Плешивого и мою хрупкость, дальнейший ход событий вроде бы был предсказуем, но я вдруг отступила в сторону и ловко поставила подножку. Плешивый как обрубок сухого старого затвердевшего бревна тяжело рухнул в бассейн головой вперёд.

Я кинулась бежать, но запуталась в наспех надетой простыне и упала, а Плешивый тем временем выбрался из бассейна. Вода стекала с него ручьём. Он стиснул зубы и упрямо, будто от этого зависела его жизнь, ринулся на меня.

Тогда я решительно сорвала с себя простынь и, точно поймав момент, набросила её на голову Плешивого, как сеть. Плешивый запутался в простыне, словно муха в паутине.

Я сдвинулась в сторону и дёрнула простынь на себя. Плешивый слетел с ног и с размаху сильно и неудачно врезался плешью, обмотанной простынею, в одну из колонн, окружавших бассейн.

Любой другой мгновенно обмяк бы и лишился чувств. Плешивый, как видно, был особенной породы. Мне даже показалось, что отнюдь не череп омерзительного незнакомца мог проломиться. Скорее, раскрашенная алая деревянная колонна вполне могла сломаться от удара черепом.

Плешивый встал на четвереньки и таким способом ринулся вон. Каким-то чудесным образом он с простынею на голове, не видя дороги, проскользнул между колонн галереи и точно попал в проём высокого прямоугольного выхода из перистилия.

– Занятный мужик! – с хохотом сказал Нос.

– Лучше не говори мне о нём, Нос, иначе я закричу. После того случая, моя няня Терция дала мне чудодейственный порошок, который отбивал все желания и превращал тело в высохшую трость. Няня была уверена, что теперь на меня ни один мужик не посмотрит, но приключения не закончились. Не успела я начать принимать порошок, как в наше имение вторглись бандиты...

Вдруг Глория поскользнулась, упала в воду, села, попыталась, но не смогла подняться. Движение застопорилось.

– Всё, я не могу больше идти. Подземное болото окончательно высосало из меня все силы!

– Мы идём под Тибром, поэтому вода, – сказал Нос. – Глория, малютка, попробуй мой бальзам на полевых травах.

Нос, продолжая стоять на четвереньках с Клелией на спине, отцепил от пояса глиняную флягу, вынул пробку и приставил горлышко к пересохшим губам Глории. Девушка вяло глотнула и закрыла глаза.

– Это подземелье нас погубит. Я вижу!

– Нет, Глория, нет! Великолепное подземелье выведет кое-кого на чистую воду. Мы сможем всё. Богиня Веста с нами!

Глория поджала губы. Слова Клелии о богине Весте не вдохновили её. Девушка встала на четвереньки и с угрюмым видом двинулась по воде. Нос на четвереньках с Клелией на спине двинулся следом.

– Мне хочется петь! – вдруг громко сказала Глория.

– Мой бальзам действует, – с тихим смешком негромко сказал Нос.

6

Царь Ларс лежал, полуобнаженный, на кушетке лицом вниз и стонал под чётко выверенными ударами профессионального грека-массажиста. Спина царя стала багровой. Он повернул голову и грозно посмотрел на грека.

– Ещё давай, грек, ещё! Болят хрящи, будто льдом сковало.

Красивое тело и осанка могли бы создать благоприятное впечатление при взгляде на правителя, если бы не странное отталкивающее чувство. Осанка царя выглядела излишне прямой, плечи казались отвратительно идеальными, кончик орлиного носа был чрезмерно орлиным, а губы слишком явно напоминали настоящие красивые мужские губы.

Взгляд царя, его холодные, переливающиеся оттенками синего цвета глаза, также вызвали смешанные чувства. Подобные чувства, как правило, возникают при виде красивых, но глубоких и опасных омутов.

Поверх повседневного наряда царь постоянно в целях безопасности носил длинный чёрный боевой плащ, состоявший из нескольких льняных слоёв, пропитанных специальным клеем, в результате чего плащ защищал не хуже брони. Сейчас плащ висел на стуле неподалёку от своего хозяина. Из-под плаща выглядывали великолепные алые кожаные сапожки с загнутыми вверх носами.

Правитель города-государства, члена мощного Этрuscoго Двенадцатиградья, среди которых ближе всех к Вейям был город Капена, как видно, пребывал в дурном расположении духа.

У вейентского государя было всё, о чём только можно мечтать. Царь имел неограниченную власть, которую незаконно узурпировал. Его окружали толпы рабов, в которых он превратил своих граждан и в которых души не чаял, так хотел пить их душу.

Каждый день к небу возносились нескончаемые восхваления и почитания, которые царь сам же сочинял. Ларс жил в роскоши и великолепии, которые он нажил, как считал, вполне законно, поскольку по закону, им же самим изданному, всё, произведённое и проданное вейентами, принадлежало только ему одному.

Всё было у вейентского диктатора, но Рим, гораздо более слабый город, вдруг не покорился и осмелился бросить вызов Вейям. Вот что бесило Ларса! Великая Этрурия давно бы смела Рим с лица земли. Беда заключалась в том, что остальные этрусские города признали Ларса узурпатором, хотя неофициально.

Старейшины Этрuscoго Двенадцатиградья вполне справедливо полагали, что Ларс своей политикой прикончит сам себя, поэтому терпеливо ожидали, когда наступит сей светлый момент. Все предложения царя о единой коалиции против Рима они прямо не отвергали, но мусолили в своих сенатских собраниях так нескончаемо долго, что Ларс обычно сам терял всякое терпение, посылал своих якобы союзников куда подальше и прекращал переговоры.

Вейи находились в непосредственной близости от Рима, выше по течению Тибра на его противоположном крутом берегу. Остальные этрусские города, за исключением разве что Капен, располагались гораздо дальше. По этой причине всем этрусским городам, кроме Вейев и Капен, была не выгодна война с Римом. Они нуждались в римском хлебе, поэтому всегда были рады помочь римлянам в развитии новых методов сельскохозяйственного производства.

Желчные мысли терзали порочное сердце царя. Его планы шли очень далеко. Он замыслил вначале расправиться с Римом, а затем, используя захваченные дармовые римские ресурсы, диктовать Великой Этрурии свои условия. Похоже, алчный Ларс замыслил превратить в рабов не только римлян, но со временем также все города этрусского Двенадцатиградья.

Страшная коварная болезнь поразила этрусков. Ларс, как огромный жук-короед, методично и жадно точил родовое дерево Великой Этрурии изнутри.

Вначале всё шло по плану. Рим был на грани падения, но неожиданно выстоял. Через некоторое время случилось нечто совершенно невообразимое – римляне вдруг осадили Вейи, город царя Ларса!

Теперь девять лет длится римская осада. Штурмом мощную крепость Вейев не взять, а изморить вейентов голодом не получается, поскольку многочисленные тайные подземные ходы соединяют Вейи с Капенами, а Капены остаются верными союзниками Вейев.

7

Царь был явно недоволен. Он с нетерпением ждал вестей от Филунса, но они по каким-то непонятным причинам задерживались.

Царь снова и снова прокручивал в голове памятную встречу со своим верным ставленником и способным агентом. В тот вечер Ларс стоял на самой высокой крепостной башне и с презрением наблюдал, как римляне, подобно безумным муравьям, копошатся на своём валу, который они так старательно возвели вокруг Вейев, словно решили возвести сооружение на многие века.

Богатырь Филунс вызывал восхищение одним своим видом. Рост не менее шести с четвертью футов и добрый вес должны были сделать из него грубую глыбу, но пропорциональность телосложения компенсировала издержки размера и массы.

Воин выглядел необычайно стройным. Его земная мужская сила в сочетании с изяществом бога могли бы впечатлить не только представительниц противоположного пола.

Лицо богатыря скрывала искусно сделанная бронзовая маска, она отливала позолотой, напоминала забрало и таинственно переливалась в лучах заходящего солнца, словно отражала нечто, известное лишь немногим.

Ларс тяжело вздохнул. Перепады настроения царя вряд ли кто мог угадать. Его лицо вдруг снова посуровело, а губы привычно сжались в тонкую ниточку, однако неожиданно правитель заговорил нежно, он заворковал, как горлица на токовище.

– Приветствую тебя, Филунс, дорогой мой!

– Приветствую тебя, о, Владыка всех владык!

– Как ты сам видишь, римляне со дня на день готовят решительный штурм наших стен. У нас не осталось времени. Ты много сделал, находясь в Риме, но подорвать Рим изнутри тебе не удалось. Рассаживанием порока ты ничего не добился. Пора переходить на другое поле боя, туда, где, если так можно сказать, естественное вооружение тела дополняется мечом и копьём.

– Я предлагаю использовать хроники рода Клелиев.

– Какие ещё хроники?

– Сто лет назад Порсена хотел восстановить в Риме этрусскую династию царей, но римская девица Клелия помешала ему. Он проклял её род. Последняя в роду Клелиев будет совращена этрусском, после чего старый добрый Рим разложится, – так предсказал Порсена. Сейчас в Риме как раз подросла девица Клелия. Она, между прочим, последняя представительница своего некогда славного рода.

– Я не понимаю, какая здесь связь. Мне омерзительна сама мысль о славе римских родов! Какая слава может быть у рабов?

– Хроника рода Клелиев подпорчена сыростью. Твой сутулый тайный советник, он сгорбился, как я понимаю, кропотливо изучая римские пожелтевшие пергаменты, так вот, твой верный советник создал искусную подделку, якобы точную копию хроники рода Клелиев, составленную в то же время, что и сам оригинал. Копия будет ценна римлянам тем, что проливает свет, так как содержит недостающий священный пророческий текст. Остаётся, чтобы хронику «случайно» нашли в римских архивах в нужный момент.

– Прости, мой мальчик, но я по-прежнему не вижу изюминку.

– Римляне якобы случайно обнаружат недостающий текст и с ужасом убедятся, что пророчество Порсены не просто сотрясение воздуха. Обнаруженная достоверная копия хроники рода Клелиев подтвердит, что после того, как последняя девица в роду Клелиев будет совращена этрусском, Рим в одночасье потеряет силу и покорится Вейям.

– О, теперь я, кажется, начинаю понимать! Следовательно, остаётся совратить Клелию и сделать так, чтобы все узнали, что она совращена этрусском?

– Именно так, мой государь.

– Я понял! Похоже, мой мальчик, твой гений совсем не дремлет. Ты сможешь сделать так, чтобы римляне поверили фальшивке и ничего не заподозрили?

– Фальшивый документ тайно переправлен в Рим, «случайно» найден Великим понтификом, его искусно ему подложили, и, кажется, римляне поверили.

– Неужели? Ты сделал большое дело, мальчик. Ты начал осуществлять прекрасный план по дезинформации и деморализации врага. Ты знаешь, как в последние месяцы подорожали хлеб и соль, а земли, из-за которых Вейи спорят с Римом более ста лет, как раз богаты неисчерпаемыми соляными копиями и плодороднейшими хлебными полями, омываемыми водами несравненного Тибра. Время не ждёт. Под лежащий камень вода не течёт!

– Одновременно я активизируюсь на поле боя.

– В этой жестокой игре, мой мальчик, суждено победить одному народу, другой исчезнет, и ход истории сотрёт память о нём, его язык, в то время как победитель в своей славе прогремит на века. Ты, мой дорогой Филунс, сотрёшь Рим с лица земли, чтобы Рим не сделал то же самое с нами. Благословляю!

Ларс шагнул к богатырю и обнял его за плечи. Богатырь склонил голову. Забрало надёжно скрывало его лицо, но тело говорило достаточно красноречиво. Богатырь вдруг стал похож на смиренного ребёнка, замершего перед строгим, но справедливым отцом.

– Ты дорог мне, мой мальчик. Признаюсь, мне страшно отпускать тебя навстречу многочисленным опасностям, но я знаю твои способности, я воспитал тебя на погибель Риму. Забудь о совести, которая, правда, иногда слишком докучает и даже кусает нас, словно злобный цепной пёс. Все беды от совести! Главное, сделай, что должно. Победа или смерть, а смерть не страшит нас. Боги преисподней ждут нас, готовя сладкие оргии. Там будет всё позволено без глупых ограничений. Вовлеки в наш мёд Клелию, доставь мне римских заложниц и обеспечь своё надёжное присутствие в римской полководческой верхушке. Когда ты подашь сигнал при помощи бронзовых табличек, я мгновенно подниму алчные слои римского плебса против ненавистного римского сената. Опорную базу ты подготовил, так что всё готово для римского восстания. Плебс очень горяч, осталось поджечь. Рим сгорит, охваченный огнём изнутри.

– О, мой повелитель, ради тебя и твоего Великого города я сяду на хребет переменчивой Портунас. Я схвачу за бороду привередливого Лефама. Я сверну горы. Я разложу Рим. Он рухнет, как гнилая хижина.

Озабоченное лицо царя разгладилось, словно он услышал благословение, то ли небес, то ли преисподней, стороннему наблюдателю понять было невозможно, настолько запутанным представлялось мировоззрение царя. В жёстком взгляде Ларса вдруг промелькнуло подобие нежности и доброты.

Ларс снял с груди амулет в виде серебряной статуэтки какого-то строгого глазастого этрусского бога. Царь вдруг крепко взял амулет двумя руками и потянул в стороны. Раздался сухой щелчок. Статуэтка разделилась на две половинки. Ларс протянул богатырю половинку серебряной статуэтки.

– Этот бог, которого ты назвал привередливым, поможет тебе в покорении римских рабов! Если позволит наша покровительница богиня Вейя, мы соединим статуэтку великого бога, когда наши силы соединятся на Форуме в Риме, хотя, как я вижу, храмы и боги не внушают тебе особого уважения, что в твоём случае я не считаю недостатком.

Богатырь с трепетом, деланным или искренним, было не вполне понятно, взял половинку статуэтки из руки царя и поклонился. Ларс ещё раз с чувством обнял богатыря, но вдруг грубо оттолкнул от себя.

– Уходи!

Филунс вскинул голову, мгновение смотрел на Ларса сквозь прорези забрала, словно желал запомнить черты его лица, затем решительно повернулся и направился в мрачный проём. Там едва виднелись ступеньки винтовой лестницы, которые вели вниз.

– Береги себя, мальчик.

Филунс остановился и обернулся. Царь с улыбкой смотрел на богатыря. Хотел ли он подбодрить своего ставленника, или у него, в самом деле, улучшилось настроение, было не вполне понятно.

– Огонь Весты погас.

– Да, да, я помню. Всегда думай обо мне, мальчик. Тогда победишь!

Богатырь почтительно поклонился, снова повернулся и скрылся в чёрном проёме. Ларс круто развернулся и подошёл к мощным зубцам бойниц крепостной башни.

8

Воспоминания царя прервал тайный советник. В царские покои заглянул согнутый, как крючок, худющий мужчина лет пятидесяти с благообразной бородкой в белоснежной тунике. Его тусклые как гаснущие угольки глаза буравили Ларса в затылок, выжидая момент.

– Чего тебе, изувер?

Царь задал вопрос, даже не повернув головы. Как видно, присутствие своего тайного советника он чувствовал кожей на затылке.

– О, владыка! К тебе прибыл гонец из Рима. У него срочное послание от твоего агента.

– Пусть войдёт! Я давно жду его.

Царь продолжал постанывать под руками массажиста, когда в комнату втащили едва живого Юла Верзилу. На его губах пузырилась розовая пена. Увидев, в каком состоянии пребывает Юл, Ларс резко вскочил.

Массажист не успел отдернуть голову, и царь затылком выбил ему зуб. Грек, схватившись за бородатый подбородок, присел в углу за кушеткой.

Ларс был так увлечён, что ничего не заметил и подскочил к Юлу. Тот слабеющей рукой передал царю бронзовую табличку. Ларс поднёс табличку к глазам, на ней на этрусском языке было выдавлено «Огонь Весты погас». Царь наклонился к Юлу и стал трясти его за плечо.

– Юл, что с тобой? Кто тебя ранил? Что случилось?

Юл лежал на полу, на боку, смотрел на Ларса полными безысходности глазами, раскрывал рот, силясь сказать хоть слово, но изо рта шли одни кровавые пузыри. Сзади и сбоку из шеи Юла торчала густо покрытая чёрной кровью женская костяная пилка для ногтей.

Царь выпрямился и строго посмотрел на слуг, притащивших Юла. Они растерянно хлопали глазами.

– Чего замерли, бездельники? Он пришел по подземному ходу, что значится у нас под литерой «А»?

Слуги поспешно кивнули. Ларс снова озадаченно уставился на Юла, затем присел и схватил юношу за плечи. Тот вдруг сильно побледнел, лицо приобрело восковой оттенок.

– Юл, скажи, Филунс в порядке?

Юл едва заметно кивнул головой. Его блуждающие глаза вдруг остановились, и он перестал дышать.

Ларс осторожно положил тело Юла на пол, выпрямился и сделал небрежный знак слугам. Они поспешно схватили бездыханное тело Юла за руки и потащили прочь из царской комнаты.

– Если Филунс в порядке, мои провокаторы должны взбаламутить плебс и сместить Камилла. Не будет Камилла, не будет римского штурма Вейев!

9

Движение по узкому проходу нелегко давалось Аппию. Огромный, под шесть с четвертью футов ростом, массивный и плечистый богатырь, он с трудом протискивался по подземному ходу, порой практически на животе, не забывая, однако, приглаживать свои шикарные волнистые чёрные, как смоль, кудри, они постоянно выбивались из-под воинской шапочки. Каждый раз, ударяясь то головой, то плечом в неровные своды, саркастичный по натуре Аппий не упускал случая помянуть недобрый словом Марка вместе с его дубом, скалой, пещерами, подземными ходами и шпионами.

– Проклятые дубы, скалы и пещеры! Неужели агенты Ларса здесь лезят? Никогда не поверю!

Марк Гораций Тремор спокойно шёл следом. То был высокий, стройный и белокурый молодой человек в облачении римского воина. Он мог сравниться с самим Аполлоном в образе земного юноши, если бы не слишком твёрдое железо натянутых как струна мускулов, из-за которых тело Марка выглядело несколько угловато.

Ясные серебряного цвета глаза, чистое лицо не могли быть чем-то особенным, у многих римских воинов были именно такие глаза и лица. Необычным казалось выражение глаз. Оно свидетельствовало о сердечности, открытости и искренности чувств, что, понятное дело, во все времена встречается нечасто.

Аппий продолжал язвить. Марк, чтобы отвлечься от раздражения, которое намеренно или непроизвольно вдруг начал пробуждать в нём Аппий, вспомнил, как они впервые познакомились.

Юноша, как будто наяву увидел вдруг, как на цветущей лужайке недалеко от густых зарослей осоки, за которыми неспешно текли жёлтые воды обмелевшего здесь Тибра, правильным прямоугольником выстроилась сотня римских новобранцев.

Патрицианские юноши готовились стать всадниками. Из ста предстояло отобрать двенадцать самых лучших, остальных, менее способных и удачливых, пока что ждало зачисление в пехоту.

Занятия проводил Аппий Корнелий Амбидекстр. Как всегда, он выглядел внушительно и солидно, – высокий статный воин, образец римского мужества.

Аппий одинаково хорошо владел обеими руками. Необычная способность послужила основанием для присвоения ему прозвища Амбидекстр.

Солнышко раннего летнего утра припекало, но не сильно. Со стороны реки тянуло свежестью, в воздухе витал едва уловимый запах луговых цветов. Хорошая погода создавала прекрасное настроение.

– Все поняли, что надо делать?

– Да, наставник!

– Начали!..

Строй сломался. Юноши гурьбой, подобно отчаянному рою пчёл, отныне не имеющему места в родном улье, ринулись на Аппия. Задание всем показалось лёгким. Разве трудно сбить с ног человека, если он один, а их целая сотня?

Вскоре из ста человек на ногах остались стоять человек двадцать. Остальные валялись на лугу, кто корчился от боли, кто просто лежал вразяжку, тупо смотрел в голубоватое небо, судорожно сглатывал слюну и с трудом приходил в себя. Оставшиеся гурьбой яростно навалились на Аппия и вдруг в суতোлке стали по ошибке неистово бить друг друга, хотя, казалось бы, целили кулаки в Аппия.

Лужайку наполнил стон, а на ногах остался стоять один новобранец, – он, Марк Гораций Тростинка, тогда у него было еще детское прозвище. Наставник сделал обманное движение, но в ответ юноша провёл своё обманное движение, а затем вдруг упал на руки и, словно кривой косой, ловко подцепил икру учителя. Аппий не ожидал такого подвоха. Он потерял равновесие, слетел с ног, провернулся в воздухе и, ударившись грудью о землю, врезался лицом в пожухлую траву.

Новобранцы, разбросанные, как сухие поленья, по всей лужайке, в изумлении приподняли головы. Если бы сейчас на луг вышел сам Марс в боевом снаряжении, грозный и великолепный, они бы, наверное, не так сильно удивились. Аппий тоже поднял изумлённое лицо, но в следующий миг озорно посмотрел на необычного юношу, перевернулся на спину и вдруг громко расхохотался.

– Как тебя зовут, юнец?

– Марк Гораций Тростинка.

– Я собираюсь в действующую армию всадником. Пойдёшь со мной, Тростинка?

– Почту за честь, наставник.

– «Тростинка» – детское прозвище, оно тебе теперь не подходит. Будешь Марк Гораций по прозвищу Тремор – Трепет.

– Если прозвище утвердит мой родоначальник.

– Доложи ему сегодня же. Мы где-то виделись раньше?

– Да, наставник. Два года назад в доме Гнея Клелия Счастливого.

– Точно! А я думаю, ты это или не ты. Тогда ты выглядел очень болезненным.

– Меня исцелил бутон розы, посаженной Гнеем, – его дочь.

– Звучит неплохо, однако, не забывай, юнец, что у розы есть шипы.

10

– Чего притих, Марк? Кому я говорю, с кем разговариваю?

– Вспомнил, как мы с тобой познакомились, Аппий.

– Очнись! Я говорю тебе: свети под ноги, а не спи. Смотри, кругом, камни! Подвернёшь ногу, и привет.

Марк угрюмо стал светить под ноги, освещая неровную дорогу воинской масляной лампой, специально изготовленной для ведения подземных сапёрных работ. Периодически попадались свежие кровавые следы, подтверждающая правильность направления.

– Ты, я вижу, раздражаешься на меня, Марк?

– Признаюсь, мозг иногда закипает, но кто он такой, чтобы вести себя по своему произволу? Мой мозг будет поступать так, как я захочу, иначе я без разговоров вырву у него зубы раздражения и своеволия.

Аппий посмотрел в озорное лицо Марка и расхохотался. Марк только вяло улыбнулся в ответ, чем ещё больше раззадорил Аппия.

– Предполагал, что ты умный и приткий, Марк, но не думал, что до такой степени.

Когда дно подземного хода наполнила вода, Аппий перестал ругаться, он раздражённо хлопал в темноте переставляемыми по воде конечностями. Выпрямиться и идти на ногах, – такой возможности не было.

Наконец, узкий и низкий ход закончился. Марк и Аппий очутились в известняковых пещерах, образовавшихся в результате многовековой работы подземных вод.

– Мы на земле вейентов, Аппий.

– Точнее, в земле.

Какое-то время свежие кровавые следы продолжали попадаться тут и там, и Марк без труда находил дорогу. Незаметно Марк и Аппий углубились в самое сердце пещер. Стали попадаться высокие галереи, многочисленные переходы, развилки и ходы в сводах и стенах. Все они вели неизвестно куда.

Свежие кровавые следы пропали. Марк шёл дальше и дальше вглубь подземных галерей. Аппий, пыхтя, следовал сзади, не говоря ни слова.

Наконец, Марк остановился и поднял лампу вверх, освещая влажные подземные своды. Никаких следов!

– Похоже, здесь не ходили лет сто, Марк. Пошли обратно!

Теперь Аппий двинулся вперёд. Марк последовал за ним. Они шли довольно долго, но к началу катакомб всё никак не выходили.

– Аппий, смотри, свежий кровавый след!

Марк посветил вбок лампой. Дно галереи испещрили свежие кровавые мазки. Марк и Аппий побежали по следу и наткнулись на издохшую крысу. Её придавил острый камень, рухнувший сверху, но крыса издохла не сразу, ярдов сто она ползла неизвестно куда, оставляя за собой кровавые следы.

– Похоже, мы с тобой заблудились, господин Следопыт, – сказал Аппий, сел на дно галереи и в изнеможении прислонился спиной к её шероховатой стене.

11

Вода ушла, и Клелия с удовольствием ступила на сухую землю. Глория и Нос встали на ноги. Нос, морщась, потирал затёкшую спину. Клелия благодарно чмокнула его в щёку.

– На моём месте, моя богиня, ты сделала бы то же самое.

Клелия только улыбнулась в ответ, ничего не сказала и передала лампу Носу по его безмолвной просьбе. Все трое решительно двинулись дальше.

Узкий подземный ход вдруг расширился и плавно превратился в галерею, которая вскоре стала разветвляться в разные стороны. От многочисленных ходов и переходов стали разбегаться глаза.

Тем не менее, Глория уверенно определяла направление. Клелия и Нос поначалу не очень охотно следовали за ней, но после того, как кровавые следы Юла стали неизменно обнаруживаться на пути, они приободрились и стали ступать вперёд гораздо веселее.

– Я вижу, – вдруг сказала Глория, прикрыв глаза, – вижу, как он, согнувшись в три погибели, тихо воеет и, нащупывая дорогу, в отчаянии шарит по стенам окровавленными пальцами.

Процессия двинулась дальше. Следопыты шли довольно долго, пока катакомбы, наконец, не закончились.

Вдруг Глория остановилась на развилке. Нос стал подсвечивать ей лампой.

Левый рукав хода шёл круто вверх. Правый рукав следовал вниз, там, в мятущемся свете лампы, мелькали таинственные тени, и были смутно видны очень крутые каменные узкие ступеньки. Они уходили в черноту.

– Кажется, его здесь встретили и дальше потащили на руках, – сказала Глория, – но куда, влево или вправо?

– Я разведу, – сказала Клелия и пошла вправо.

Нос пытался подсветить ей, но ступеньки были очень крутые и отбрасывали длинную тень. Клелия шагнула на ощупь по ступеням вниз один шаг, второй, третий.

Вдруг стопа зацепилась за острый обломок камня. Клелия, вскрикнув, оступилась и провалилась в чёрную пустоту.

– Клелия! – хором крикнули Нос и Глория.

Снизу раздался стон. Нос осторожно ступил на лестницу и поднял лампу. Он увидел, что древняя лестница разрушилась, видимо, от многовекового воздействия влаги. Клелия упала с её обломанного края вниз, с высоты около четырех ярдов.

Клелия шевельнулась и подняла голову. Нос светил ей лампой с края обрушенной лестницы.

– Моя богиня...

– Нос, я в порядке. Повезло, здесь рыхлый влажный песок. Кажется, я вижу металлическую дверь и свежие следы цивилизации. Похоже, нам сюда.

– Как же мы спустимся, моя госпожа? – сказала Глория.

– О! – громко сказал Нос. – Здесь, у самой стены, сохранился кусок лестницы, три ступени. Вначале по ним, а потом спрыгнем, там будет совсем невысоко.

– Ты – первый, Нос, давай лампу, – сказала Глория.

Нос передал лампу Глории, прошел по краю обломанной лестницы и спрыгнул вниз. Глория пошла за ним и прыгнула. Нос поймал её на руки и бережно опустил на песок.

– Видишь, а ты боялась.

Глория вернула лампу Носу, подскочила к Клелии и опустилась перед ней на колени. Клелия сидела на песке и, морщась, тёрла ладонью ушибленное плечо.

– Болит?

– Немного. Пройдёт. Надо идти!

С этими словами Клелия решительно поднялась на ноги. Металлическая дверь была не заперта. Они втроем потянули за скобу, открыли дверь, вошли в дверной проём и очутились в кубическом помещении, которое, судя по всему, было построено совсем недавно. В центре пола было оборудовано довольно обширное квадратное отверстие, забранное частой металлической решёткой, составленной из овальных ячеек. Под решёткой плескалась речная вода.

– Шлюз какой-то, – сказала Клелия.

Нос посветил вокруг лампой. Камера была высотой ярдов десять. В её потолке также было видно четырехугольное отверстие, забранное металлической решеткой. В потолке отверстие было поменьше, а решётка состояла из двух толстых прутьев, спаянных крест-накрест.

Нос посветил лампой в углы. В одном из углов виднелся небольшой прямоугольный выход и ступеньки вверх.

– Нам туда!

– Да, моя госпожа. Теперь я поведу. Нос, свети!

Глория пошла вперёд, Нос – следом за ней, а Клелия замыкала процессию. Они быстро поднялись по удобным современным ступенькам и очутились в отделанном каменными плитами и камнем овальном высоком коридоре.

– Думаю, что это коллектор, – сказала Клелия. – Мы дошли до города Вейи!

– Кровь! – сказала Глория, указывая на свежий кровавый мазок на стене. – Его несли здесь.

Они невольно ускорили шаги и почти побежали. Неожиданно погасла лампа, Нос споткнулся, грохнулся на плиты коллектора и застонал. Девушки присели возле него.

– Нос, что с тобой? – с тревогой сказала Клелия.

– Палец на ноге разбил. А в лампе кончилось масло!

Глория оторвала кусок от своей туники и перевязала Носу палец. Нос с трудом поднялся на ноги.

– Можешь идти?

– Могу, моя богиня, – сказал Нос.

Опираясь на плечи девушек, он пошёл вперёд. Коллектор постоянно раздваивался, но Глория каждый раз безошибочно вела влево, уверенно ориентируясь в полной темноте.

– Здесь его несли, здесь, здесь...

Нос, хромая, теперь смог идти сам, но Глория остановила его, снова отодрала от своей туники лоскут и сменила повязку на пальце Носа. Она наклонилась низко к ноге Носа, чтобы разглядеть, как сидит повязка и вдруг вскрикнула.

– Свет!

В самом деле, сбоку из ниши через невысокую щель высотой фута три с арочным верхом струился почти незаметный свет, как будто от тусклого жёлтого пламени. Стоя прямо, свет невозможно было увидеть. Если бы не повязка на пальце Носа, они прошли бы мимо. Глория на четвереньках продвинулась в нишу и просунула голову под арку.

– Там коридор и вдали, очень далеко свет, как будто от факела.

– Идём туда, Глория!

Следопыты пролезли под низкой аркой, вылезли в коридор и, забыв об опасности, бросились к долгожданному свету. Глория летела, как на крыльях. Нос, прихрамывая, но, тем не менее, всё-таки бежал вслед за Глорией.

Клелия стала отставать. Разодранная мечом Юла туника под плащом мешала бежать. Клелия споткнулась и упала.

– Подождите меня!

В этот миг сбоку хлынул яркий сноп света и мгновенно ослепил её. Крепкие волосатые мужские руки подхватили Клелию, и хриплый мужской бас строго спросил на этрусском языке:

– Так, а кто здесь шумит?

12

Незнакомец был в одежде мясника с Бычьего рынка, на его нешироком потёртом кожаном поясе висел внушительный тесак. Выглядел он пугающе, поджарый, глазастый, со скошенной челюстью и перебитым носом, весь какой-то корявый и серо-коричневый. На его пупырчатом, как кожа ящерицы, лице выделялся большой кривой рот, противный и слюнявый.

Марк очнулся от того, что это чучело наклонилось над ним, словно желая убедиться, что он крепко спит. Юноша схватился за меч, который лежал под головой, засунутый в ножны.

Ещё миг и остриё клинка вонзилось бы незнакомцу в кадык, но в последний момент богатырская рука схватила Марка за плечо. В следующее мгновение невероятный по силе удар ногой в живот отбросил незнакомца. Он пролетел несколько ярдов в воздухе и упал навзничь на меловое дно пещеры.

– Идти можно, но плохо без воды, – сказал Аппий.

– В пещерах иногда капает вода, – сказал незнакомец и поднялся, потирая бок.

– Зачем ты делаешь резкие телодвижения, дуралей? Мы с напарником могли тебя убить. Разговаривай спокойно.

– Теперь вижу, что вы свои. Заблудились?

– Здесь сами псы преисподней потеряют след!

– Понятно. Вы не первые такие. Пошли за мной!

Незнакомец повёл их совсем в другую сторону, кажется, в ту, откуда они пришли. Однако вскоре он нырнул под какую-то совершенно незаметную арку, и они оказались в рукотворном лабиринте.

– Без меня вы никогда бы не нашли дорогу. А теперь легко найти. Будут стрелки, выложенные из камней. Кстати, тебе есть срочное...

Незнакомец вдруг издал звук, похожий на шипение змеи, тихо встал на колени и завалился набок. В свете лампы Марк увидел рукоятку стилета в виде фигурки страшноватого глазастого этрусского бога с большой головой и бородой-лопатой.

– Зачем ты убил его, Аппий?

– Меня не проведёшь, Марк. Он разоблачил нас и вёл к сторожевому посту, чтобы взять в плен. Если мы пойдём по стрелкам, мы попадём в ловушку. Ты хочешь в плен к этрускам, Марк?

Аппий наклонился и с силой выдернул стилет из горла. Незнакомец всё ещё раскрывал слюнявый рот, как прожитая насквозь гарпуном корявая коричневая рыба. Несмотря на смертельную рану, он смотрел на Аппия угасающим взглядом и силился что-то сказать. Однако, после того как Аппий энергично выдернул клинок из шеи, незнакомец мгновенно обмяк и застыл на земле без чувств.

– Я, конечно, не хочу в плен к этрускам, Аппий.

– Правда? Что-то верится с трудом. Ты так расстроился, Марк, когда я убил его.

– Подожди, ты сказал ему пароль, что-то там про воду в пещерах, а он ответил тебе, он, кажется, сказал тебе отзыв на пароль. Верно?

– Какой ещё пароль? Ты не понял, Марк! Когда он подошёл, ты крепко спал. Я заговорил с ним. Наша одежда ввела его в заблуждение, он принял нас за боевиков Ларса, возвращающихся в Вейи после неудавшегося мятежа в Риме. Затем он вдруг наклонился над тобой, как будто решил увидеть тебя поближе и ненароком разбудил тебя. Ты схватился за меч, я удержал тебя, а его отпихнул подальше, чтобы вы не убили друг друга. После этого я, как ни в чём не бывало, продолжил разговор, чтобы показать ему, что всё в порядке. За миг до твоего пробуждения мы говорили о проклятых пещерах, мол, как нелегко по ним идти, поэтому я продолжил разговор о пещерах.

– А, теперь я понял. Возможно, он назвал пароль, а мы, не зная пароль, не различили его и не назвали в ответ отзыв.

– Наконец-то, ты понял, Марк.

– Ты молодец, Аппий. Восхищаюсь тобой!

– Вот когда выведу тебя, тогда будешь восхищаться. Пошли обратно!

Глава третья. Царь Ларс Волтумний

*«Скажи, откуда твоя сила,
И почему ты страх забыла?
Скажи, откуда красота?
Ты для Этрурии мечта!»
Владилен Елеонский, Клелия*

1

Нос приложил палец к губам. Глория притихла.

– Слушай, Глория, кажется, нашу милую Клелию схватили этруски. Нам надо попытаться всё разведать и выволить нашу дорогую богиню из плена.

– Конечно, Нос! Мы не можем оставить её здесь.

Нос и Глория прошли немного по полутёмному коридору и увидели в полу прямоугольное отверстие, сквозь которое к блоку, прикрепленному к потолку коридора, проходила цепь. Нос заглянул в отверстие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.